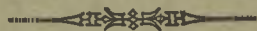

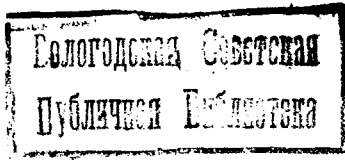
91(с12)1
А64
Р118867

Англизанинъ о Русскомъ Сѣверѣ.

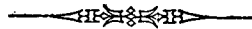

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1914.

392/4. 21/641

Англизанинъ о Русскомъ Сѣверѣ.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1914.

$$\frac{91(e12/1)}{A64}$$

A64

Англичанинъ о Русскомъ Сѣверѣ*).

Х. Обѣдъ на десять персонъ.

Квартира въ Новинкахъ стояла мнѣ только полтинникъ въ недѣлю. Мнѣ поставили столы, стулья, кровать; самоваръ подавался во всякое время по моему желанію: я могъ пользоваться и кухонной печкой, когда приходила моя очередь готовить обѣдъ. Въ придачу ко всему, въ праздничные дни хозяйка угощала меня ватрушками: какъ видно, полтинникъ здѣсь былъ крупной монетой.

Дѣйствительно, деньги въ этихъ мѣстахъ очень рѣдки. Крестьяне богаты, но все богатство ихъ заключается въ имуществѣ. Въ каждомъ домѣ масса цѣнныхъ вещей, но ни у кого не найдется денегъ, чтобы купить ихъ. Дома—двухъэтажные; вездѣ вы увидите коровъ, овецъ, мѣха, мебель, вышитую одежду, но все это не покупное, а накопленное личнымъ трудомъ. Если бы опустошить кошельки даже цѣлой деревни, и то, думается мнѣ, съ трудомъ можно было бы набрать одинъ суверень.

Итакъ, за комнату я платилъ 50 копеекъ. Эти деньги я отдавалъ старухѣ, тещѣ моего хозяина: самъ онъ могъ бы въ одинъ прекрасный день отправить ихъ въ „казенку“. И самъ хозяинъ и его жена находились въ полномъ подчиненіи у старухи, которая твердой рукой управляла всѣмъ хозяйствомъ.

Она хотѣла было проявить и надо мной свою власть, особенно въ дѣлѣ приготовления обѣда, но я оказался очень упрямымъ. Она разбудила меня въ три часа утра. безцеремонно, безъ всякаго разрѣшенія входя въ мою комнату и трясъ расшатанную кровать.

„Пора варить мясо“, проговорила она: „пора итти за яйцами“.

„Уходите, глупая старуха“, отвѣчалъ я. „Оставьте меня въ покоѣ“.

„Но пора итти и позаботиться о маслѣ для обѣда. Вѣдь, если всего не заготовить раньше, то потомъ будетъ уже поздно“. „Хорошо, хорошо, хорошо!“—повторилъ я.

Старуха вышла, а я продолжалъ лежать. Черезъ нѣкоторое время я услышалъ ся голосъ около моего окна. „Нуки, нуки, нуки“, звала она коровъ, выгоняя ихъ на пастбище.

Затѣмъ я услышалъ звонъ самовара на моемъ столѣ. И снова задремалъ. А самоваръ дымился, бурлилъ и шипѣлъ, словно таинственно звалъ къ приготовленію чая. „Самоваръ“—это сосудъ для чая, внутри котораго находится жаровня, наполняемая углями; когда угли разгораются, вода закипаетъ, и паръ съ шумомъ вырывается изъ-подъ крышки, иногда даже приподнимая ее. Благодаря жаровнѣ, вода въ самоварѣ сохраняется горячей въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

*) Переводъ А. Воскресенскаго съ англійской книги: „Undiscovered Russia“ Stephen Graham. См. №№ 6, 11, 15, 21 „Извѣстій“ за 1913 г. Ред.

Наконецъ, надо было вставать. Я напился кофе, съѣлъ ломоть ржаного хлѣба съ масломъ и принялся кормить голубей и воронъ, слетѣвшихъ къ моему окну. Затѣмъ, идяъ предлогомъ сходить въ сельскую лавчонку, я отправился на рѣку купаться.

На дорогѣ мнѣ встрѣтился младшій братъ А. С.; онъ не былъ ссыльнымъ, но прѣхалъ въ Лявлю погостить на лѣтнія кашкулы.— Онъ былъ страстный любитель всевозможныхъ приключеній. Перемахнувъ черезъ заборъ—только крестьяне отодвигаютъ засовы—мы бросились черезъ ячменное поле къ высокому глинистому берегу Сѣв. Двины и, перепрыгивая съ кочки на кочку по обрывистому скату, спустились къ рѣчкѣ. Здѣсь было единственное удобное мѣсто для купанья на нашемъ берегу. Поэтому почти всѣ предпочитали ѣздить купаться на острова, располагавшяся—мужчины въ одномъ мѣстѣ, женщины въ другомъ, метровъ на 100 ниже по берегу.

У. какъ холодно! Но въ водѣ тепло. Вода въ Двинѣ всегда теплѣе воздуха. Рѣка—глубокая, и волны, какъ на морѣ, свободно катаются по ея поверхности, то приподнимая, то опуская ее. Дно рѣки или песчаное или илистое, вязкое; темныя тѣни, неподвижно стоящія въ теченіе цѣлаго дня въ прозрачной водѣ, указываютъ мѣста предательскихъ ямъ. Мой сотоварищъ, Всева, очень остерегался, какъ бы не соскользнуть въ ихъ глубину.

Такъ какъ мы пришли безъ полотенецъ, ждать же, пока обсохнемъ, было очень холодно, то мы тотчасъ же послѣ купанья накинули на себя одежду и обсушивались, какъ могли. И въ концѣ-концовъ, надѣвъ платье, мы почти въ ту же минуту забыли, что недавно были совсѣмъ мокрые.

Въ двѣ минуты мы взобрались наверхъ и принялись искать землянику для третьяго блюда къ обѣду. Казалось, эти солнечныя мѣстечки особенно были подходящи для землянки, но всего-на-всего мы набрали штукъ семь ягодъ.

Надъ нашими головами, щебеча и чирикаая, носились сотни стрижей, преимущественно недавно оперившихся. Весь глинистый берегъ былъ изрытъ отверстиями. Однѣ птицы влетали туда, другія вылетали. Мы остановились на уровнѣ этихъ гнѣздъ и пытались просунуть свои толстыя руки въ маленькія отверстия; въ одномъ гнѣздѣ намъ удалось сдѣлать это, и тогда вдругъ черезъ наши пальцы одинъ за другимъ вылетѣли изъ отверстія три маленькихъ стрижа. Всева былъ въ восторгѣ; онъ рѣшилъ остаться здѣсь и ловить стрижей.

У меня же на совѣсти лежалъ обѣдъ на десять персонъ, и я покинулъ его. Было только 9 часовъ, такъ что впереди оставалось достаточно времени. Я отправился въ маленькую лавочку посмотреть, нельзя ли тамъ чего купить. Когда я окидывалъ взглядомъ все содержимое лавочки, женщина съ заботливымъ видомъ старалась завернуть полтора фунта рису въ два расшитые листочка ученической тетрадки. „Что это такое?“—спросилъ я, указывая на маленькіе пакетики, на которыхъ стоялъ ярлычекъ „Сушенныя винныя ягоды въ порошокъ“.

„Это“, отвѣтила она, „это употребляютъ вмѣсто чаю. Очень старыя бабушки, бѣдныя старушки пьютъ это. Пакетикъ стоитъ 4 копейки“.

„А! А это что?“

„Сушенныя овощи“, баринъ: капуста, рѣпа, порей, сельдерей, цвѣтная капуста, горошекъ. Все это для супа. Вы видите, все нарѣзано мелко. Здѣсь овощи плохо растутъ—земля слишкомъ неудобна, слишкомъ песчана, и морозъ губитъ ихъ“.

„Дайте мнѣ полфунта“.

Она отсыпала мнѣ полфунта въ листокъ тетради, на которомъ видѣлись ариѳметическія вычисленія.

„Откуда вы достаете эту бумагу?“ спросилъ я.

„Отъ оптоваго купца, который прѣзжаетъ сюда разъ въ годъ“, любезно отвѣтила женщина. „Онъ привозитъ мнѣ также сто фунтовъ баранокъ, повѣшенныхъ на веревкѣ, какъ луковицы, а я держу ихъ въ кладовой“.

„Полфунта манныхъ крупъ, полфунта муки“... продолжалъ я, и она снѣшила отвѣсить мнѣ все завертывая въ тетрадные листы.

„Четверть фунта изюма. А яйца у васъ есть?“

„Нѣтъ, баринъ. Но вчера на баржѣ прѣхалъ изъ Архангельска человекъ съ яйцами. Можетъ быть, онъ и сейчасъ стоитъ еще внизу у берега“.

Въ Архангельской губерніи не держатъ куръ,—вѣроятно, потому, что зима здѣсь очень сурова.

„Дайте мнѣ полфунта соли и полтора фунта мелкаго сахару. А это что за листъ?“

„Ихъ покупаютъ для запаха“.

„Позвольте мнѣ на копейку“. Женщина дала мнѣ три листка.

„Больше ничего?“

„Ничего“.

Женщина принялась считать на счетахъ, сколько я долженъ былъ заплатить ей. Я задалъ ей трудную задачу, и она чувствовала себя совершенно растерянной. Три раза принималась она за счетъ и все неудачно. Она воображала, что обсчитала себя на 20 копеекъ. Наконецъ, я счелъ ей.

Затѣмъ стала передъ нами задача болѣе серьезная, чѣмъ съ деньгами—какъ собрать всѣ эти мѣшечки, изъ которыхъ сыпалось содержимое. Рись едва держался, сахаръ понемногу сыпался черезъ маленькіе конусики на прилавокъ, къ манной крупѣ надо было прикасаться съ величайшей осторожностью.

Лавочница стояла въ полномъ недоумѣніи. Вдругъ она радостно воскликнула: „Слава тебѣ, Господи!“—Въ углу лавки нашелся большой пакетъ.

„Я одолжу вамъ его“, сказала она—„только вы должны вернуть его обратно“.

На самое дно пакета мы уложили упрямый рись, на него нѣжную манную крупу, затѣмъ угрожающе разсыпался муку и сахаръ, сверху увѣнчали все изюмомъ.

„Спасибо“, сказалъ я. „Соль я положу въ карманъ, а лавровый листъ въ футляръ для визитныхъ карточекъ. Досвиданья! Пакетъ, разумѣется, я принесу вамъ обратно“.

„Будьте здоровы!“

Я двинулся въ путь и, подойдя къ своей квартирѣ, положилъ свои покупки въ комнату черезъ открытое окно. Я боялся встрѣтиться лицомъ къ лицу съ деспотической бабушкой, ибо мое отсутствіе продолжалось слишкомъ долго. Нужно было еще купить картофелю—за нимъ пришлось ходить отъ дома къ дому. Искать я и масла, но старушки говорили мнѣ: „отправляйся назадъ и принеси тарелку, куда бы можно было положить его“.

Я купилъ на гривенникъ картофелю величиной съ небольшою шарикъ и положилъ его въ корзинку, сплетенную изъ березовой коры.

Также достала я и полдюжины яицъ у старика, который на карбасѣ развозилъ городскіе продукты по деревнямъ.

Когда я вернулся, бабушки не было дома. Первымъ дѣломъ я взялся за мытье риса. Сдѣлавъ это, я наполнилъ молокомъ глиняный горшокъ, насыпалъ туда рису, полфунта сахару, накрылъ горшокъ каменной крышкой и поставилъ его въ глубь громадной кухонной печи. Затѣмъ я началъ чистить картофель единственнымъ въ цѣломъ домѣ ножомъ. Что это было за занятіе! Желалъ бы я знать, когда же наконецъ, явятся на помощь ссыльные. Вчера всѣ дали обѣщаніе помочь мнѣ.

Вошла бабушка и задала мнѣ сильный „нагоняй“.

„Гдѣ вы были? Теперь не ждите, что обѣдъ поспѣетъ вовремя. Что это за дрянь?—рисъ? онъ подгораеть; нужно мѣшать его все время“.

Я вновь налилъ въ горшокъ молока и принялся опять чистить картофель. „Вотъ, положите это въ супъ“, сказалъ затѣмъ я, подавая старухѣ сушенныя овощи.

„Мясо сперва!“—крикнула сердито бабушка.

„Мяса нѣтъ“.

„Что—о?“

„Нѣтъ. Нѣтъ мяса“.

„Вы не можете приготовить супъ безъ мяса“.

„Я вамъ приготовлю супъ изъ гвоздя, возразилъ я, если вы прибавите туда немного соли, муки, ну и еще кое-чего“.

Старуха уставилась на меня, постояла нѣсколько мгновеній и затѣмъ не проговорила уже ни слова.

Къ счастью, нашлась горячая вода. Я наполнилъ ею огромный коммунальный котелъ, опустилъ туда одну за другой картофелины, а затѣмъ прибавилъ овощей, лаврового листу, манныхъ крупъ, полную ложку муки и ложку соли.

Бабушка стояла подлѣ и въ ужасѣ всплескивала руками. Пришелъ мальчикъ и принесъ немного грибовъ—я положилъ и ихъ въ котелъ. Рисъ уже сталъ набухать—пришлось подлить еще молока. Я пошелъ мыть изюмъ. Ягодки изюма были до такой степени грязны и клейки, что англійскому читателю трудно и вообразить это. Послѣ пятиминутныхъ усилій, обмывая каждую ягоду отдѣльно и отрывая вѣточки, я на время бросилъ свою работу и отправился за масломъ, на этотъ разъ уже захвативъ съ собой тарелку. Вернувшись, я засталъ бабушку за мѣшаніемъ моего риса. Я подлилъ въ него молока и положилъ четверть фунта масла. Другая четверть пошла на супъ. Затѣмъ, разбивъ одно за другимъ шесть яицъ, я взбилъ ихъ на блюдечкѣ единственной въ домѣ вилкой и вылилъ все въ рисъ. Старушка вздыхала. Она никогда не клала яицъ въ кашу: они могли только испортить ее. Когда же я началъ сыпать изюмъ, бабушка проговорила: „Да, вѣдь, это кутья. Мы ѣдимъ ее только въ номиноленные дни“.

„Нѣтъ, отвѣтилъ я“. „Это только англійскій способъ приготовленія рисоваго пудинга. Вы никогда не кладете ни яицъ, ни масла, ни сахару, ни ягодъ,—въ этомъ вся разница—и потому нашъ пудингъ выходитъ лучше. Вы сами это увидите“. Повидимому, она не поняла: я слышалъ, какъ она сказала своему зятю, что я приготовилъ рисовую кашу китайскимъ способомъ.

Я наконецъ окончилъ промываніе изюма и всыпалъ его въ пудингъ. Жаръ въ печкѣ сталъ ослабѣвать, и рисъ пересталъ кипѣть и

медленно разварился. Я снова накрылъ горшокъ каменной крышкой и при помощи длиннаго ухвата задвинулъ его въ глубь печки.

Все шло хорошо:—я вымелъ соръ въ комнатѣ, выдвинулъ на середину комнаты столъ и покрылъ его двумя листами газеты „Новое Время“ и „Daily News“, единственной англійской газеты, которую я получалъ во время сѣвернаго путешествія. Эти листы должны были служить скатертью. Бабушка принесла три тарелки и миску; затѣмъ она достала 6 деревянныхъ ложекъ. Все это я разложилъ на столѣ. Насыпавъ въ крышку кофейника сахару, а въ старый конвертъ соли, я принесъ для компаніи двѣ лавки и собралъ всѣ книги, которыя я нашелъ у себя въ комнатѣ, чтобы занять своихъ гостей въ ожиданіи обѣда. Оставалось только отправиться въ деревню на поиски ложекъ и тарелокъ. А. С. далъ мнѣ дюжину бумажныхъ салфетокъ и пару ложекъ, а среди остальныхъ ссыльныхъ я нашелъ всѣ столовыя принадлежности, необходимыя для полной сервировки.

Между тѣмъ супъ и рисъ варились.

Вернувшись домой, я засталъ компанію наполовину уже собравшейся; между прочимъ Н. Г. принесъ съ собою четыре фунта коммунальнаго чернаго хлѣба. Это было весьма кстати, такъ какъ хлѣба-то я и забылъ заготовить. У бабушки достали двѣ крынки молока и полфунта сметаны—русскіе любятъ употреблять сметану при супѣ. Всѣ разсѣлись и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія перваго блюда.

Маленькое промедленіе! Я снялъ крышку съ котла и заглянулъ. Супъ покрылся глянцемъ, что привело всю компанію въ изумленіе. Я попросилъ одну изъ дамъ разливать супъ и вручилъ ей огромную коммунальную ложку.

„Ого!“—сказалъ Г. „Густо“.

Дѣйствительно, супъ былъ очень густой, чуть ли не твердый и необыкновенно питательный. Ссыльные расхохотались и заанплодировали, а дамы воскликнули:

„Охъ, мистеръ!“—и залились смѣхомъ.

Каждый сталъ отгадывать, что могло быть въ супѣ. Но никто не подумалъ о манныхъ крупахъ, а между тѣмъ это онѣ такъ сгустили супъ и сдѣлали изъ него, такъ сказать, сгущенную смѣсь всевозможныхъ овощей. Я замѣтилъ, какъ литовецъ К. внимательно разглядывалъ два лавровыхъ листа, случайно ему попавшіеся, а В. С. напрасно думала надъ кускомъ гриба, что бы такое было: рыба или овощъ.

Всѣ, однако, бѣли съ удовольствіемъ, а одинъ или двое попросили даже по второй тарелкѣ. Я былъ покоенъ, ибо зналъ, что второе блюдо будетъ верховъ кулинарнаго искусства.

Я держалъ его названіе подъ большимъ секретомъ, но послѣ многократныхъ вопросовъ произнесъ: „Англійскій пудингъ“, и это вызвало большое возбужденіе. Всѣ начали восклицать: „пудингъ, пудингъ“, произнося конечное г.—такъ, какъ если бы въ немъ заключался ключъ къ разгадкѣ.

Наконецъ, пудингъ появился, держа высоко голову, и былъ установленъ посреди стола. На верхушкѣ его красовалась желтая соблазнительная корка, усѣянная изюмомъ, сверкавшимъ на ней подобно драгоценнымъ камнямъ, и весь онъ сіялъ, какъ королевская дочь.

Помимо того, что онъ былъ красивъ, выше всякихъ похвалъ, я сдѣлалъ его громадное количество. Пудингъ вызвалъ всеобщее удивленіе, и А. С. заявилъ даже, что я почти склонилъ его къ вегетарианству.

Послѣ обѣда появился самоваръ, и мы принялись за чаепитіе. А затѣмъ нѣкоторые изъ ссыльныхъ стали просить бабушку разрѣшить имъ поваляться немного на снѣгъ на „повѣтяхъ“. Всева выпустилъ пять стрижей, которыхъ онъ держалъ подъ рубашкой, и они залетали по комнатамъ. Я предложилъ старушкѣ тарелку рисоваго пудинга, но она заявила, что отложить его до завтрашняго дня, такъ какъ теперь не голодна.

Остатками супа мы накормили голодныхъ деревенскихъ собакъ, у которыхъ вороны, прыгающія передъ самымъ носомъ, поровили стащить куски.

В. вызвалась помочь мнѣ перемыть посуду, но бабушка нашла, что это не нашихъ рукъ дѣло. Эта работа входила также въ кругъ тѣхъ хозяйскихъ обязанностей, которыя оплачивались моимъ полтинникомъ въ недѣлю. В. обратилась ко мнѣ: не пойду ли я вечеромъ на свадебную процессію къ дому Василія Васильевича.

Я утвердительно кивнулъ головой.

XI. Деревенская свадьба.

Вечеромъ мы собрались въ квартирѣ Василія Васильевича въ деревнѣ „Зачапино“. Здѣсь завтра должна была быть свадьба. Женихъ жилъ въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ и Василій Васильевичъ, и отецъ жениха устраивалъ угощеніе на цѣлыхъ три дня. Гости собрались со всей округи и размѣстились у сосѣдей. Водка и пиво играли въ празднествѣ, такъ сказать, главную роль. Василій Васильевичъ отвелъ меня въ сторону чтобы показать мнѣ интересное зрѣлище: въ комнатѣ, помѣщавшейся особнякомъ, весь полъ былъ заставленъ разнообразными бутылками съ водкой—цѣлая четверти водки. Откупорить ихъ можно было только послѣ свадьбы, и теперь водка была заключена въ нихъ подобно вѣтрамъ въ мѣшкахъ Эола. Завтра и въ теченіе трехъ дней послѣ свадьбы вліяніе этихъ бутылокъ проявится по всей Зачапинской улицѣ. Семейство жениха принадлежало къ богатѣйшимъ во всей окрестности, и на водку пошли сбереженія многихъ лѣтъ.

Въ маленькій комнатѣ насъ собралось человѣкъ двѣнадцать. Василій Васильевичъ устроилъ чай, а мы пѣли пѣсни. Л. А., бывший ссыльный, пріѣхавшій изъ Архангельска, игралъ на скринкѣ. Л. А. былъ одинъ изъ тѣхъ, кто такъ сильно полюбилъ страну изгнанія, что остался въ ней даже и тогда, когда окончился срокъ его ссылки. Теперь мнѣ странно вспоминать игру на скринкѣ въ ту ночь: я единственный разъ тогда видѣлъ этого человѣка, но лицо его отчетливо запечатлѣлось въ моей памяти, хотя мнѣ и не понравилась его личность. Теперь я знаю, что я никогда, даже случайно, какъ въ тотъ вечеръ, не увижу его: скоро послѣ того, какъ я покинулъ Лявлю, онъ печально застрѣлилъ себя изъ ружья.

Съ нетерпѣніемъ ожидая вечерняго гулянья и свадебной церемоніи, мы, чтобы убить время, стали развлекать себя всевозможными глупостями: подражали музыкальнымъ инструментамъ, лаю собакъ, мяуканью кошекъ. Студенты во всемъ мѣрѣ одни и тѣ же.

Затѣмъ мы вышли изъ дому и играли въ горѣлки; утомившись, сѣли на бревна и вновь занялись музыкой. Затѣмъ выступили на сцену танцы: барышни и босоногіе кавалеры протанцовали польку и вальсъ. А. Переpletчиковъ отлясалъ съ В. С. „камаринскаго“. Это было самое восхительное зрѣлище, какое я когда-либо видѣлъ. „Камаринскій“ скорѣе цѣлый балетъ, чѣмъ отдѣльный танецъ. Засунувъ большіе пальцы за поясъ и оттопыривъ остальные, отклонивъ немного назадъ голо-

ву, Переплетчиковъ, подмигивая глазами и строя своимъ подвижнымъ лицомъ всевозможныя гримасы, началъ переступать ногами. В. С., уставивъ руки въ бока, проводила женскую партію: то скромно, то вызывающе она приближалась и отступала. Всякій, кто видѣлъ въ Лондонѣ русскіе народныя танцы, можетъ себѣ представить, на что это было похоже: забавныя шаги, пожиманіе плечами, рѣзкія порывистыя тѣлодвиженія. Русскіе національныя танцы грубы, по русскіе любятъ ихъ.

Скоро начали показываться на улицѣ группы гуляющихъ. Стояла прекрасная „бѣлая почъ“, ласково теплая, прямо идеальная для гулянья. Первыми появились дѣвушки и стали собираться сперва въ небольшія кучки въ два—три, а потомъ въ шесть—семь человекъ. Съ пѣніемъ и притворно голося и плача, двинулись онѣ вокругъ деревни, все увеличиваясь въ числѣ, пока не выросли въ большую толпу.

На женщинахъ были надеты кричація платья, которыя никоимъ образомъ не служили для украшенія, а имѣли единственную цѣль—показать, что ихъ обладательницы богаты. Если кто имѣлъ новое пальто, одѣвалъ его, хотя бы и стояла жаркая погода, а обладательницы ботинокъ и калошъ носили ихъ даже и тогда, когда земля была совершенно суха.

Женщины держали въ рукахъ дождевыя и солнечныя зонтики, хотя на дворѣ стояла ночь, а о дождѣ и помину не было. Большинство старухъ были разряжены въ старинныя костюмы не потому, что были стары или разборчивы, но потому, что эти костюмы были лучшіе, что онѣ могли одѣть. Видѣть на старухахъ блестящіе старомодные костюмы казалось очень страннымъ, почти всѣ эти старушки были уже замужемъ, и никоимъ образомъ не могли думать о прельщеніи молодыхъ людей. Но, помимо всего, эти холщевыя ручной работы и великолѣпно вышитыя платья поражали своей красотой. Каждая женщина носила на головѣ маленькую шапочку, похожую на красиво разубранный колпакъ; шапочка была унизана бисеромъ и блестящими шелковыми нитями. Юбки, сшитыя на подобіе англійскихъ дѣтскихъ, держались при помощи узкихъ полосокъ, перекинутыхъ черезъ плечи. Короткія кофты, состояція чуть ли не изъ однихъ рукавовъ, едва закрывали грудь, а новѣрхъ всего были накинута яркія цвѣтныя накидки съ отверстиями для рукъ.

Процессія называется „гуляньемъ“; она предшествуетъ свадьбѣ и сопровождаетъ ее—впрочемъ, только въ томъ случаѣ, если мужчины довольно крѣпко стоятъ на ногахъ, чтобы провожать женщинъ. Гулянья устраиваются въ честь невесты, а вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ удобнымъ случаемъ для заключенія новыхъ помолвокъ. Молодой парень встрѣчается здѣсь съ дѣвушкой, которая понравилась ему на гуляньѣ въ другой деревнѣ. Удобство гуляній заключается въ томъ, что на этихъ свадебныхъ процессіяхъ вы легко можете встрѣтить подходящую пару, если не найдете ея среди вашихъ знакомыхъ. Всѣ дѣвушки горятъ нетерпѣніемъ выйти замужъ, и молодые люди получаютъ отказъ на свое предложеніе только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Дѣвушки даже сами дѣлаютъ попытку въ этомъ родѣ и частенько подлаживаются къ опытнымъ старухамъ съ просьбой устроить вечеринку съ молодыми людьми. Эти женщины представляютъ изъ себя совершенно особый типъ, весьма распространенный на Русскомъ Сѣверѣ; называются онѣ—„свахи“*). Сваха по своему темпераменту и по характеру

*) Авторъ по ошибкѣ называетъ ихъ „свахинами“.

наиболѣе подходитъ къ типу „повитухи“. Одинъ взглядъ на ея физиономію достаточно ясно скажетъ вамъ, что она знаетъ „слишкомъ много“.

Какъ и на праздникъ Ивана Купалы въ Кехтъ, такъ и теперь въ Зачапинѣ дѣвушки толпой ходили по улицѣ, выставляя напоказъ свои наряды—не прельстится ли кто изъ молодыхъ людей.

Хозяинъ дома, гдѣ А. С. снималъ квартиру, женился на дѣвушкѣ, которой онъ до свадьбы ни разу и не видѣлъ. Все дѣло устроили сваты. Въ домѣ нужна была женщина, и онъ попросилъ отыскать какую-нибудь подходящую.

До 11 часовъ мы наблюдали гулянье, а затѣмъ я простился съ Вас. Вас. и съ остальными и направился по обрыву рѣки посмотреть на заходъ солнца. Весь горизонтъ сверкалъ нурнуромъ, а по движскимъ волнамъ бѣжали малиновые пятна.

Невѣста должна была прибыть завтра на лодкѣ съ своими родственниками, семейными иконами и приданымъ. Поэтому, я заблаговременно явился на берегъ, чтобы видѣть встрѣчу. Дулъ свѣжій вѣтеръ, поднимая по Двинѣ сильныя волны, и лодка, налѣясь болѣе на паруса, чѣмъ на гребцовъ, очевидно, не рѣшалась при такомъ вѣтрѣ пуститься въ плаваніе. Мы прождали ее все утро. Небо было покрыто облаками, но я все же приготовилъ свой „кодакъ“, надѣясь сфотографировать встрѣчу.

Наконецъ, свадебный поѣздъ прибылъ. Впереди выступали родители невѣсты, неся въ рукахъ свернутое свадебное постельное бѣлье, а за ними родственники съ большими сундуками, въ которыхъ было уложено приданое невѣсты. Далѣе шли женщины съ иконами и со свѣчами и, наконецъ, сама невѣста, заплаканная, съ робкимъ, покраснѣвшимъ лицомъ, сгорбившаяся подъ тяжестью навѣшанныхъ на нее юбокъ.

Для жениха и невѣсты былъ заложенъ самый лучшій во всей деревнѣ экипажъ. Женихъ вышелъ впередъ, чтобы довести свою невѣсту до повозки. На лошади блестяла яркая упряжь, взятая напрокатъ специально для этого случая. Я сказалъ, что снимаю ихъ, и вся процессія выстроилась на минуту на берегу, а затѣмъ направилась въ церковь, сопровождаемая толпой деревенскихъ любопытныхъ.

Священникъ уже ожидалъ ее, и церковь была переполнена народомъ. Экипажъ остановился у дверей церкви, и женихъ съ невѣстой, освободившись отъ лишней одежды, прошли на середину; началась свадебная служба: вѣнчаніе и благословеніе.

Затѣмъ молодые въ сопровожденіи односельчанъ отбыли въ домъ мужа, въ Зачапино. Василий Васильевичъ уступилъ свою комнату, и весь домъ былъ полонъ гостей. Накрыты столы, приготовлено домашнее пиво, бутылки съ водкой откупорены...—и праздничная пирушка началась.

Рано утромъ на слѣдующій день я отправился выпить за здоровье молодыхъ и пожелать имъ счастья. Изъ оконъ неся шумъ безудержнаго празднества. Мужъ встрѣтилъ меня на порогѣ и поздоровался со мною: видимо, онъ былъ очень польщенъ моимъ посѣщеніемъ. Онъ крѣпко стоялъ на ногахъ и, если бы не слишкомъ красныя пятна на щекахъ, ничто въ немъ не указывало бы на бессонную ночь, проведенную за столомъ. Насколько я понималъ, жена его отправилась спать рано, не будучи въ состояніи въ виду усталости принять участіе въ шумномъ весельѣ.

Пьянство, пѣніе и танцы продолжались всю ночь, что было не безвыгодно для молодой пары, такъ какъ всякій, пившій за здоровье молодыхъ, обязанъ былъ приподнести имъ свадебный подарокъ.

Мнѣ подали стаканъ пива. Я перекрестился на иконы и пожелалъ новобрачному счастья, кучу дѣтей—все сыновей, и всякаго благополучія.

Въ это время ко мнѣ подошелъ отецъ новобрачнаго, держа въ рукахъ огромный мѣшокъ. Старикъ былъ совсѣмъ пьянъ. Онъ указывалъ мнѣ на мѣшокъ, намекая, что теперь была моя очередь положить туда подарокъ.

„Теперь вашъ чередъ“, сказалъ онъ.

„Что это за вещи набрали вы, дядя?“—спросилъ я, заглядывая въ мѣшокъ.

Тамъ въ страшномъ безпорядкѣ были перемѣшаны: глиняная посуда, шкурки, мука, деньги, полдюжины водочныхъ стакановъ, нѣсколько кружекъ изъ бересты, битая птица, топоръ.

„Это уже второй мѣшокъ“, съ улыбкой сказалъ мужъ.

Я бросилъ туда рубль.

А затѣмъ, еще разъ пожелавъ счастья хозяину, я простился съ нимъ и, осторожно шагая черезъ тѣла тѣхъ, кто въ состояніи крайняго опьяненія растянулъ на полу, вышелъ изъ дому и поспѣшно направился къ квартирѣ А. С., гдѣ меня ждалъ кофе.

56

п. 53 г.

15

Всероссийская Советская
Дружеская Библиотека